

Записки
о добрых деяниях
и благородных
сердцах

Перевод
с корейского и ханмуна

ЛЕНИНГРАД
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1985

ББК 84.5 Ко
З 32

Составитель
Г. РАЧКОВ

Предисловие
А. ТРОЦЕВИЧ

Примечания
Д. ЕЛИСЕЕВА,
Л. МЕНЬШИКОВА,
Г. РАЧКОВА

Художник
П. ТАТАРНИКОВ

З 4703000000-064 187-85
028(01)-85

© Состав, предисловие, переводы, примечания, оформление. Издательство «Художественная литература», 1985 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В корейской средневековой прозе было четко установлено, какой жанр нужно использовать для той или иной темы. Если писатель хотел рассказать о забавном случае, удивительном происшествии, он писал новеллы, если же его занимали проблемы неустroенности мира и человеческих судеб в нем, он создавал романы. А для описания подвига необыкновенного героя существовал жанр биографии. Образцы произведений этих ведущих жанров корейской литературы XVII—XVIII вв. представлены в сборнике «Записки о добрых деяниях и благородных сердцах».

Если новелла появилась в корейской литературе в XV в., то повесть и роман — только в XVII—XVIII вв. Возникновение и расцвет крупных жанров сюжетной прозы был связан с рождением новых тем, а это в свою очередь отражало сдвиги в духовной жизни средневекового корейского общества. Одной из главных особенностей литературы того времени был интерес к личным качествам человека, призыв ценить в нем нравственные достоинства. Этот интерес был вызван неудовлетворенностью различных слоев общества внутренним положением корейского феодального государства, которому были причинены огромные разрушения во время Имджинской войны с Японией (1592—1598) и маньчжурских вторжений 1627 и 1636—1637 гг. Разоренная войнами, Корея к тому же оказалась жертвой непрекращающихся распрей между группировками внутри правящего класса. Особенно эта борьба обострилась в XVIII в., когда, не смотря на политику умиротворения, проводимую корейскими правителями, началось открытое вооруженное столкновение между оппозиционными партиями. В результате многие представители высшего сословия, занимавшие государственные посты, оказывались устранными от дел, подвергались преследованиям. Это порождало у них разочарование в государственной деятельности, ощущение неуверенности, непрочности положения человека в обществе. Они теряли интерес к службе, отказывались от нее и становились отшельниками либо начинали выступать с критикой существующих порядков. Так, в XVII в. в критически настроенной среде

оппозиционеров родилось движение «Сирхак» — «Сторонников практических знаний» которые понимали необходимость перемен в управлении страной и искали пути проведения в жизнь назревших преобразований

Таким образом в духовной жизни Кореи XVII—XVIII вв на первый план выдвинулись два полюса — критически настроенных сторонников преобразований и проповедников полного отказа от социальной деятельности. Эти два полюса, естественно, преломлялись в литературе

В поэзии раньше, чем в любом другом виде литературы, получили отражение сдвиги, которые произошли в мироощущении средневекового человека. Именно в это время она обращается к темам личных чувств и страданий, в ней появляются «заурядный герой» и описание «мелочей жизни», с которыми человек сталкивается гораздо чаще, чем с возвышенным

В XVII в происходит расцвет пейзажной лирики, так называемой поэзии «рек и озер». Для поэтов того времени природа — это не только красивый пейзаж, источник поэтического вдохновения. Природа — это прежде всего мир, гармонично устроенный, неизменный, который противопоставлен хаосу и переменчивости социальной жизни.

Весьма серьезные перемены происходят и в прозе, так как именно проза открывала возможности для показа разных сторон жизни человека: изображения связей с другими людьми, описания его поведения в той или иной ситуации и, наконец, рассказа о чувствах, которые испытывает человек, то есть об эмоциональной стороне жизни. Обсудить весь этот комплекс проблем можно было только в художественном произведении значительного объема.

Первые корейские повести и романы были посвящены борьбе с внешним врагом и социальной проблематике. Это — «Записи событий года имджин» неизвестного автора, рассказывающие о борьбе с японским вторжением 1592—1598 гг., и повесть Хо Кюна (1569—1618) «Хон Кильдон», посвященная борьбе обездоленного героя за свои права.

Несмотря на то, что еще в XV в в Корее была создана собственная письменность, литературным языком считался китайский. Китайская иероглифическая письменность и язык пришли в Корею в начале нашей эры, когда образовались первые корейские государства. С тех пор на этом языке издавали государственные документы, создавали философские и исторические сочинения, писали стихи и прозу. За свою более чем тысячелетнюю жизнь в Корее китайский язык изменился — «коренизировался». Такой язык стал в Корее называться ханмуном. Читать на нем могли только образованные люди, так как эта литература отличалась особым стилем, полным скрытых намеков и цитат из произведений китайской классики. Китайское образование было достоянием высшего сословия, а простой народ знал только свою, корейскую, письменность.

Ранние корейские повести и романы также были созданы на ханмуне и, следовательно, были адресованы читателю из среды высшего сословия. Однако многие произведения вскоре были переведены на корейский язык и уже в этом варианте получили настолько широкое распространение, известность, что их ханмунные оригиналы были забыты.

Предлагаемый сборник знакомит читателя с образцами корейской прозы как на ханмуне (роман «Облачный сон девяти»), так и на корейском языке (новеллы, роман «Записки о добрых деяниях и благородных сердцах» и биография «Жизнеописание королевы Инхен»).

Персонажи корейских романов и новелл любят, веселятся и страдают, при этом злые и бесчестные преследуют и заставляют добродетельных, но злодеев в конце концов наказывают, а невинно обиженных вознаграждают. Противостояние добра и зла — излюбленная коллизия в произведениях литературы всех народов, и, как правило, герои приходят к счастью через страдания и испытания.

Но в корейском романе «Записки о добрых деяниях и благородных сердцах» добродетельные персонажи, которых мучают и преследуют, не делают ничего, чтобы разоблачить и покарать «злодеев», доказать свою невинность и в конце концов добиться справедливости. Они только страдают и покоряются злой судьбе. Кончается роман примирением преследуемых с преследователями и счастливым восстановлением разрушенной семьи.

Герои другого романа — «Облачного сна девяти», — преуспев на службе и в любви, вдруг отказываются от мирской жизни и уходят в монастырь. Счастливый конец здесь представлен как пребывание человека вне страстей и соблазнов мира.

Почему именно так поступают положительные герои? Почему один роман заканчивается семейным благополучием, а другой рисует счастливый конец как отказ от земных радостей? Каким представляли себе в средние века корейцы идеально устроенный мир?

В корейских литературных произведениях прошлого отчетливо проявились две тенденции. С одной стороны — стремление к организации общества на справедливых и гуманных началах, с другой — разочарование в социальной деятельности и отказ от нее. Эти две тенденции выросли на основе разных идеологий — конфуцианства, даосизма и буддизма, которые сосуществовали в сознании средневекового человека на Дальнем Востоке. Конфуцианство пришло в Корею в первых веках нашей эры, в период становления корейской государственности. Оно предписывало человеку правила социального поведения, которые должны были обеспечить правильное функционирование общества. Конфуцианство рассматривало человека только в связи с его обязанностями как члена общества.

Буддизм и даосизм также начали распространяться в Корее в начале нашей эры. Эти учения, напротив, отвергают идею долга, служения, то есть

общественного назначения человека. Буддизм рассматривает жизнь как страдание, он призывает человека избавиться от привязанности к материальным ценностям и встать на путь к просветлению, чтобы таким образом уйти за пределы моря мучений, которым он подвержен в земной жизни.

Даосское учение осуждает цивилизацию и связанные с нею социальные институты. Это учение предлагает человеку разорвать пути ложных отношений и обратиться к природе, которая, в противоположность обществу, всегда естественна и гармонична. Обращение к этим двум учениям было в то время своеобразной формой протеста против несправедливо организованного общества.

Конфуцианство, буддизм и даосизм оказали влияние и на литературу — они оформили идеалы человека, представления о гармонии, определили особенности построения сюжета.

Один идеал связан с конфуцианскими типами отношений между людьми (государь — подданный, отец — сын, муж — жена, старший — младший) и правилами поведения людей, состоящих в этих отношениях. Первые литературные герои, выписанные соответственно этой схеме, появились в исторических биографиях. Персонажи таких биографий, как правило, реальные исторические лица, которые прославились либо как верные подданные (на военном поприще — отдавшие жизнь за государя, на гражданском — мудрые государевы советники), либо образцовым поведением в семье — как верные жены, преданные сыновья и дочери. Корейская биография не рассказывает о всей жизни человека от рождения до смерти. Обычно она состоит из описания одного значительного деяния — подвига, в котором герой демонстрирует один из пяти конфуцианских образцов поведения. Все изложение подчинено здесь заранее данному образу человека (преданного сына, верной жены, мудрого сановника), а из жизни реального лица приводятся только факты, которые могут этот образ иллюстрировать.

В жанре исторической биографии писали в Корее вплоть до XX в. Биография увеличивалась в объеме, изложение реальных событий обрастало занимательными эпизодами, описаниями чувств и переживаний героев, но принципы изложения событий и изображения героев оставались неизменными.

В данный сборник включено «Жизнеописание королевы Инхён», которое посвящено драматическим событиям при дворе корейского короля Сукчжона (1775—1820). Корейские короли брали себе в жены дочерей своих придворных. Вместе с королевой приобретал влияние при дворе ее клан, а вслед за кланом приходила к власти та придворная группировка, к которой он принадлежал. В конце XVII в. высшее сословие в Корее было расколото на две партии: соин и намин — «западников» и «южан». Эти партии постоянно враждовали из-за влияния при дворе, а потерпевших поражение в борьбе, как правило, казнили или ссылали. Инхён была выдана замуж за Сукчжона в четырнадцать лет, ее семья принадлежала к партии

«западников». Но у Инхён не было детей. Воспользовавшись этим, «южане» низложили ее в 1689 г. и заменили наложницей — своей ставленицей: королевы были просто фигурами в политической игре. Таков исторический фон событий «Жизнеописания».

Произведение имеет все признаки исторической биографии. Оно начинается с представления героини, затем описана ситуация, в которой происходит действие, и наконец само действие — низложение Инхён и ее жизнь в роли изгнанной жены. В «Жизнеописании» три центральных персонажа: муж, жена и наложница, которые и составляют семью. Благополучие семьи зависит от поведения ее членов.

Наложница красива, коварна, ревнива. Она добивается изгнания Инхён и в конце концов наговорами и колдовством убивает ее. Инхён добродетельна, не ропщет на судьбу, не пытается бороться с соперницей, отомстить, уличить ее в коварстве. Она терпеливо сносит все несчастья, сохраняя свои добродетели неизменными во всех испытаниях. Инхён — «образцовая жена», поэтому биография в самом начале приводит рассказ о ее чудесном рождении, которое и есть знак необыкновенности, свойственной героине «от природы». И далее Инхён всегда оказывается в ситуациях, лучше всего раскрывающих ее положительные качества: терпеливость, добросердечное отношение к людям, забота о благополучии семьи и отсутствие ревности к наложницам мужа. Только такая, по конфуцианским представлениям, идеальная жена и способна поддерживать гармонию в семье, но порядок в доме зависит от поведения мужа. Если он увлекся красавицей-наложницей, стал прислушиваться к ее коварным речам и отверг добродетельную супругу, гармония в доме нарушается. Король Сукчжон забыл о своем долге главы семьи, позволил наложнице своевольничать — и в результате случилась беда: королева погибла, а наложницу принудили отравиться.

Подобного рода «треугольник» можно видеть во всех корейских средневековых повестях и романах, посвященных социальным проблемам. Вариант коллизии «муж — жена — наложница» разыгрывается и в романе «Записки о добрых деяниях и благородных сердцах».

Функции «злой женщины», нарушающей нормы поведения в семье, здесь выполняют Шэнь — главная жена сановника Хэ — и Цао Юэсян — наложница ее сына. Добродетельные и невинно гонимые в романе — дети сановника Хэ от второй жены — дочь и сын.

В случае смерти отца конфуцианские нормы отношений предписывают старшему сыну взять на себя заботы о семье. В романе Чунь — старший сын первой жены — обладает порочной, злой натурой. Вместо того чтобы следить за порядком и наставлять членов семьи, забывших о своем долге, он следует женским прихотям, водит компанию с дурными людьми и преследует своего младшего брата, то есть нарушает должные отношения между старшим и младшим братьями. В результате семья распадается. Только после многих злоключений волей императора младший сын Хэ, Цин, был возвращен из ссылки. Он добивается прощения для своего обидчика —

старшего брата, который был осужден за злодеяния. Хэ Цин — образцовый герой, и его прежде всего заботит соблюдение должных отношений между братьями, между старшими и младшими в семье. Ведь только при таком условии можно восстановить гармонию, нарушенную вначале. Поэтому Цин прощает раскаявшихся госпожу Шэнь и ее сына. «Злую оболстительницу» Цао Юесян казнят: «вредитель», да еще и не «свой», в данной семье должен быть устранен, чтобы не нарушался установленный порядок.

Корейская средневековая литература не случайно так любила семейные темы и описывала события в романе как путь от хаоса к восстановлению порядка. Дело в том, что для корейской средневековой культуры была характерна мысль о свойственной миру гармонии, которая обеспечивается правильным социальным поведением человека. Семейные и государственные дела тесно связаны между собой, поскольку государство представлялось большой семьей (подданные для правителя — все равно что дети для отца), поэтому хаос в семье неминуемо должен повлечь беспорядки в государстве. В романе «Записки о добрых деяниях и благородных сердцах» в семье Хэ начинается разлад, а в государстве к власти приходят бесчестные чиновники, которые преследуют преданных подданных. Отрицательные персонажи семьи в конце концов объединяются с этими чиновниками и совместно творят зло.

Таким образом, проблемы социальной гармонии в корейской литературе обсуждаются в произведениях, посвященных семейным отношениям. В этих произведениях оформился особый тип героев — образцовой, добродетельной женщины, красавицы, которая утверждает свои положительные качества в приключениях-испытаниях (например, сестра Хэ Цина и его две жены), и мужчины, образованного и талантливого, чиновника на государственной службе, преданного подданного, который страдает от козней бесчестных людей, но сам не делает ничего, чтобы разоблачить их и доказать свою невиновность. Во всех перипетиях он только сохраняет свою чистоту, высокие нравственные качества (герой романа Хэ Цин). Эти качества герои не приобретают, образцовый тип поведения им задан заранее, поэтому все действие в романе показывает не процесс становления образцового человека, а проявление в разных ситуациях его природных достоинств.

Как правило, выручают героя из беды второстепенные персонажи. Врагов в конце концов наказывает даже и сам герой, но не как частное лицо, из личной мести, а как чиновник на государственной службе, в обязанности которого входит карать нарушителей и восстанавливать порядок. При этом фигуры героев романа рисуются по тому же принципу, что и образы персонажей исторической биографии: поступки человека даны как иллюстрация того или иного заранее заданного его достоинства или недостатка.

Если конфуцианство не мыслило человека вне отношений с другими людьми, то совсем иначе решали эти вопросы даосизм и буддизм. Даосизм,

как уже говорилось, отвергал идею общественного назначения человека и важности его социальной деятельности. Цивилизация фальшива, поэтому ей противопоставлялась естественность природы и тех, кто ее населяет. Даосизм призывал человека оставить общество, суетные заботы о долге и службе и раствориться в совершенной природе, где все совершается само собой в естественном процессе развития, все целостно и нет искусственного разделения на значимое и незначимое.

Даосское учение дало творческий импульс развитию особого направления в литературе — например, появлению таких произведений прозы, в которых авторы «следуют своей кисти» — как бы записывают все, что видят их глаза и слышат их уши. Тем самым снимаются любые оценочные моменты, всякая избирательность — отвергается идея отбора вообще. Опозиция «важное — неважное», «серьезное — пустое» не имеют значения для этой литературы, поэтому если в ней речь шла о жизни людей, то описывались события из частной жизни человека, мелочи быта — в отличие от исторической биографии, где темой сочинения могли быть только значительные деяния.

В настоящем сборнике такого рода проза представлена несколькими новеллами XVII—XVIII вв. Новеллы в корейской средневековой литературе всегда находились в сборниках, разнородных по составу (рядом с новеллой здесь помещались заметки географического, филологического характера, описания, записи обычаев). Сборник как бы отражает многообразие и целостность мира, где все сущее выступает в его естественных связях. Случай из жизни, о котором рассказывает новелла, — одно из проявлений этого многообразия.

Герои новелл — обычные люди, озабоченные своими повседневными делами, в этой повседневности их и подстерегает приключение. В необычном приключении раскрываются разные стороны человеческой природы: простодушие, алчность, хитрость, глупость или находчивость.

Средневековые новеллы поражают реалистичностью описываемых ситуаций и верно подмеченными чертами в поведении людей. Подобный метод изображения был связан с характерным для дальневосточного человека пониманием роли мастера, который «идет за материалом», а не передельывает его. Картины природы и человеческой жизни должны быть даны в их натуральных взаимосвязях, как их сейчас увидел художник, ибо единство и целостность мира проявляется в любом мгновении бытия.

Поиски гармонии вне общества и проповедь безразличия к благам жизни характерны и для буддийской религии. Буддизм за многие века своего распространения в Корею настолько проник во все сферы культуры, что стал ее неотъемлемой частью. Его влияние заметно и в литературе. На сюжеты буддийских джатак создавались многочисленные произведения, буддийские мотивы привлекали поэтов и прозаиков. Одним из наиболее популярных в средневековой литературе был мотив жизни-сна.

Буддизм не просто осуждал стремления человека к мирскому благополучию — он считал подобные желания бессмысленными, поскольку жизнь есть всего лишь иллюзорное мгновение, на котором не стоит задерживать внимание. «Она как роса, как пузыри на воде, подобна сну, молнии и облакам», — сказано в известном буддийском сочинении «Алмазная сутра». Поэтому бессмысленно тратить усилия на то, чтобы добиться гармонии в этом иллюзорном мире, и если человек поглощен такого рода заботами, значит, его сознание омрачено. Задача каждого — понять эту истину и таким образом достичь просветления. Просветленный выходит за пределы страстей и обретает внутреннюю гармонию.

Буддийские школы предлагали разные пути к просветлению. На корейскую средневековую литературу повлияли в основном идеи школы чань, которая, в частности, учит, что каждый человек обладает природой будды и каждый открывает в себе будду сам. Возможно, из этих представлений в корейской литературе выросла фигура персонажа, который своими усилиями достигает намеченной цели. Такой персонаж духовно изменяется от начала к концу произведения. Вступив в сферу сна, вчерашние монахи и небожители отходят от истинного пути и предаются страстям. Они становятся одержимы жадной карьеры, славы, стремятся к любовным утехам, рвутся к высокому социальному положению. Их поведение активно и подчас не добродетельно.

Так, вся жизнь Ян Сою — героя романа Ким Манчжуна (1637—1698) «Облачный сон девяти» — это погоня за удовольствиями: почестями, богатством, красивыми женщинами. Он красив, удачлив и в конце концов становится первым человеком в государстве. Ян Сою ведет себя свободно: он выбирает себе в жены тех женщин, которые ему нравятся, и отвергает других, не боясь навлечь на себя гнев императора. Женщины — красивые и образованные, искусно сочиняют стихи и ведут себя очень вольно, к тому же они веселы и лукавы, а их остроумные проделки доставляют немало хлопот герою. Перед читателем разворачивается любовный роман о похождениях дальневосточного Дон Жуана. Однако в самом конце оказывается, что многочисленные приключения героев, вся их полная событийная жизнь — не более чем краткий сон, который развеялся, подобно «облакам и пыли». Жизнь есть сон, и герои, которые так хотели познать все мирские радости, в конце концов осознают бессмысленность усилий человека в стремлении к любви, славе, богатству, карьере и встанут на путь просветления.

К мысли о просветлении человек может прийти только через личный опыт суетной мирской жизни. Поэтому роман оригинально построен. Он имеет два плана, которые прослеживаются в сюжете и даже в имени героя. Один — внешний, «профанический», другой — скрытый, буддийский.

Внешняя сторона событий романа — это изложение истории заблудшего монаха, которому наставник являет сон мирской жизни, а в конце показы-

вает все предметы его вожделений в виде тающих облаков. Облака закрывают истинную реальность и выступают здесь как символ омраченного сознания. Поведению героя соответствует и его имя, которое значит «молодой гуляка».

В буддийском плане описание блистательных успехов и любовных приключений корейского Дон Жуана представляет собой притчу, рассказывающую о пути становления будды. Соответственно, и имя Сою в буддизме имеет значение «монах, который бродит по земле и помогает людям вступить на путь просветления».

Роман «Облачный сон девяти» описывает путь человека от заблуждения (неустроенности, хаоса) к личной гармонии, которая мыслится здесь как слияние с истинной реальностью за пределами внешнего мира.

Немногие произведения корейской средневековой литературы могут похвалиться такой популярностью, как «Облачный сон девяти». Рукописи и ксилографы, изданные и на хорошей, и на дешевой бумаге, говорят о том, что роман читали в разных слоях общества, при этом простонародные варианты отдавали предпочтение занимательному сюжету «облаков» — мирских приключений героев: широкого читателя не трогали буддийские идеи, его волновали приключения. Не случайно отношения Ян Сою и женщины в повестях XIX в. выступают даже в качестве эротической метафоры.

Большая часть произведений, помещенных в данном сборнике, анонимна. Анонимность характерна для корейской сюжетной прозы, поскольку в средневековом обществе сочинение прозы рассматривали как несерьезное, развлекательное занятие. Образованному человеку, который, как правило, был чиновником на государственной службе, было неприлично тратить время столь недостойным образом и тем более признаваться в авторстве такого рода сочинений. Ким Манчжун — автор «Облачного сна девяти» — редкое исключение.

С именем этого писателя традиция связывает начало корейского романа. Ким Манчжун был политическим деятелем, занимал высокие посты при дворе. Круг его интересов был необыкновенно широк. Ким Манчжун увлекался математикой, астрономией, географией, обсуждал экономические проблемы, вопросы образования и просвещения. Он был одним из страстных пропагандистов корейской культуры и родного языка, выступал против слепого подражания китайским образцам. Но его общественная деятельность кончилась поражением, которое принесло ему глубокое разочарование. В 1689 г. произошел дворцовый переворот, партия «западников», к которой принадлежал писатель, была отстранена от власти, казнены ее видные деятели (см. «Жизнеописание королевы Инхён», связанное с этой историей), а Ким Манчжуна сослали на южный остров Намхэ. Из этой ссылки он не вернулся.

Переворот 1689 г. был своеобразной «повивальной бабкой» корейского романа. Первым откликом писателя на дворцовый переворот, очевидно, явился его роман «Скитания госпожи Са по югу»¹. Современники Ким Манчжуна утверждают, что в истории женщины, изгнанной из дома и оклеветанной наложницей, он рассказал о судьбе королевы Инхён. Это произведение, написанное с позиций конфуцианского понимания нравственного долга правителя и главы семьи, с точки зрения конфуцианских представлений о способах обеспечения гармонии в семье и государстве, могло быть создано скорее всего сразу после дворцового переворота. Здесь Ким Манчжун еще находится во власти политических страстей, он осуждает своего государя, который нарушил долг и увлекся наложницей, надеется на торжество справедливости, наказание бесчестных придворных и установление должного порядка.

Но постепенно политические страсти остыли. В годы ссылки Ким Манчжун создал роман «Облачный сон девяти». Это произведение, очевидно, явилось итогом размышлений писателя над смыслом социальной деятельности и над человеческой природой с ее постоянными страстями. Он подверг и то и другое глубокой переоценке. Как писатель, личность эмоциональная, он выразил свое понимание проблемы не в строгой форме философского трактата, а в художественном произведении. Роман можно рассматривать как свидетельство буддийского просветления писателя: он познал сущность вешнего мира, понял его иллюзорность и поведал об этом в своем сочинении. Судьба Ян Сою — героя «Облачного сна девяти», одержимого жаждой мирской деятельности, — это жизнь самого Ким Манчжуна, который приложил много усилий, пытаясь усовершенствовать общество, но был наказан и окончил свой век в изгнании. Обращение Ким Манчжуна к буддизму расценивалось в то время как неприятие действительности.

Два романа Ким Манчжуна оказали огромное влияние на корейскую сюжетную прозу XVIII—XIX вв., в которой не только использовались образец семейной коллизии и типы персонажей из его произведений, но и заимствовались целые эпизоды и даже имена героев. Примером такого рода романов являются «Записки о добрых деяниях и благородных сердцах» и «Сон в Нефритовом павильоне»².

При чтении корейской средневековой прозы можно заметить в ней постоянное обращение к китайской классике. Во-первых, действие, как правило, происходит в Китае. Перенесение описываемых событий в чужую страну — прием, обычный в средневековых литературах. Ведь то, что происходит у себя дома, всем и так хорошо известно. Толь-

¹ Перевод романа издан в сборнике: История о верности Чхунхян Корейские средневековые повести. М., 1960.

² Перевод романа вышел отдельной книгой: Сон в Нефритовом павильоне. М., 1982.

ко в чужих землях случается такое, о чем интересно поведать читателям.

Кроме того, в произведениях постоянно встречаются имена китайских героев, намеки на события, описанные в китайской литературе, цитаты из древней поэзии и прозы. Эта особенность связана с корейскими средневековыми представлениями о литературных ценностях, которые образованный кореец того времени видел не в родной литературе, а искал их в сфере «китайской классики» — в китайских литературных произведениях прошлого. Представитель образованного сословия был хорошо начитан в этой «классике», без таких знаний немислимо было сдать государственные экзамены и сделать карьеру чиновника. Поэтому он легко ориентировался в системе китайских литературных ценностей и получал эстетическое удовольствие, узнавая в тексте то или иное название, эпизод, имя. Использование «китаизмов» в корейских произведениях стало традицией, которой следовали поэты и прозаики на протяжении всей истории средневековой литературы. Традицией был выделен определенный набор имен, эпизодов, устойчивых выражений, которые в поэтическом языке корейских произведений играли роль символов — знаков определенных ситуаций, человеческих характеров и поступков. Подобный набор обычно переходил из произведения в произведение и был хорошо известен читателю. Упоминание имени или короткая цитата вызывали целую серию ассоциаций — с самим китайским сочинением, его автором, кругом определенных произведений, наконец, с эпохой «образцовой литературы». Использование такого рода намеков делало текст гораздо более емким.

Персонажами ряда произведений, представленных в сборнике, являются реальные исторические лица, причем не только корейские, но и китайские. Например, корейская королева — героиня «Жизнеописания королевы Инхён» или видный корейский поэт и государственный деятель Ли Ханбок (1556—1618) — персонаж новеллы «Шутка». Известными историческими фигурами Китая являются и некоторые персонажи романа «Записки о добрых деяниях и благородных сердцах». Например, министр Янь Сун и его сын Янь Шифань, которые были политическими деятелями в Китае в XVI в. Поэтому переводчик этого романа дал героям китайские имена, то есть прочел иероглифы, которыми они записаны, по-китайски.

Произведения, включенные в настоящий сборник, до сих пор популярны в Корее не только потому, что читатели интересуются духовным наследием прошлого своей страны. Их привлекают занимательность самих сюжетов, поэтичность образов, юмор. Корейские новеллы, повести и романы откроют и перед русским читателем мир средневековой Кореи, познакомят с проблемами, заботившими в то время людей, и с идеалами, к которым они стремились.

Сборник «Записки о добрых деяниях и благородных сердцах» дает представление и о характере корейской средневековой прозы — ее жанрах,

героях, особенностях художественного стиля. Все произведения переводятся на русский язык впервые, кроме романа «Облачный сон девяти». Перевод позднего варианта этого произведения (1913 г.) был издан издательством «Художественная литература» в 1961 г. Здесь читателю предложен перевод самого раннего текста, написанного на ханмуне и выпущенного в свет в Корее в 1725 г.

А. Троцевич

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Троцевич. Предисловие</i>	3		
<i>НОВЕЛЛЫ. Перевод с корейского Д. Елисеева</i>	15		
Неизвестный автор			
ЖИЗНЕОПИСАНИЕ КОРОЛЕВЫ ИНХЕН. Повесть. Перевод с корейского Г. Рачкова	61		
Неизвестный автор			
ЗАПИСКИ О ДОБРЫХ ДЕЯНИЯХ И БЛАГОРОДНЫХ СЕРДЦАХ. Роман. Перевод с корейского Д. Елисеева	103		
Ким Манчжун			
ОБЛАЧНЫЙ СОН ДЕВЯТИ. Роман. Перевод с ханмуна А. Троцевич	247		
Книга первая			
Глава первая. На пике Лотоса открывается буддийский монастырь. Обитатель чистого мира вновь рождается в доме Яна	249		
Глава вторая. Девушка из Хуань ввергает Яну свою судьбу. Даос с гор Ланьянь дарит свою цитру	259		
Глава третья. За тысячу ли от дома в винном павильоне Ян находит Ке. Ке Сомволь под брачным одеялом, расшитым утками, дает советы мудрецу	269		
Глава четвертая. Мнимая монахиня встречает в доме Чона родственную душу. Старый министр выбирает зятя по экзаменационному объявлению	278		
Глава пятая. В «расшитых башмачках» таится явная влюбленность. В усадьбе небожителей встречается суженая «маленькая звездочка»	290		
Глава шестая. Ка Чхунун — то фея, то злой дух. Чок Кёнхон — то женщина, то мужчина	303		
Глава седьмая. Ученый муж из дворца Цзиньлуань играет на нефритовой флейте. Придворные дамы из дворца Пэнлай ожидают прекрасных строк	319		
Глава восьмая. Придворная дама, скрывая слезы, идет за евнухом. Служанка, затаив печаль, отказывает хозяину	328		
		Книга вторая	
		Глава первая. Ян сражается с нечистью в озере Байлун. Дракон озера Дунтин задает пир своему зятю	341
		Глава вторая. Маршал Ян навещает в буддийский скит. Переодетая принцесса навещает красавиц на женской половине	346
		Глава третья. Две красавицы рука об руку садятся в одни носилки. Во дворце Чансинь сочиняют стихи на скорость — за семь шагов	357
		Глава четвертая. Ян Сою во сне заходит в Небесные ворота. Ка Чхунун ловко выполняет поручение государыни	364
		Глава пятая. На свадьбе Нан и Ён скрывают имя. На пиру Хон и Воль выходят на сцену	375
		Глава шестая. В парке Ляо охотятся и встречают весенние дни. Прибывшие в коляске с бирюзовыми шторами превосходно владеют древним искусством	392
		Глава седьмая. Государеву зятю наказано выпить большую золотую чашу. Совершенноумудрый хозяин милостиво жалует Яну дворец Цуйвэй	406
		Глава восьмая. Министр Ян поднимается вверх и смотрит вдаль. Познавший истину опять возвращается к началу	421
		<i>Примечания</i>	428

**Записки о добрых деяниях и благородных
3 32 сердцах:** Средневековая корейская проза. Пер. с
кор., ханмуна. / Сост. Г. Рачкова; Вступ. ст.
А. Троцевич; Примеч. Д. Елисеева, Л. Меньши-
кова, Г. Рачкова. — Л.: Худож. лит., 1985. — 464 с.

В сборник включены произведения основных жанров корейской классической прозы — новеллы, повести, романа. В них нашли отражение представления об устройстве средневекового корейского общества, о роли личности в нем. В сборнике содержится много интересных деталей быта средневековой Кореи.

3 $\frac{4703000000}{028(01)-85}$ 187-85

ББК 84.5 Ко

**Записки
о добрых деяниях
и благородных
сердцах**

Составитель

Геннадий Евгеньевич Рачков

Редактор *Н. Толстая*

Художественный редактор *В. Куприянов*

Технический редактор *М. Шафрова*

Корректоры *А. Борисенкова, Л. Никульшина*

ИБ № 3433

Сдано в набор 19.07.84. Подписано в печать 11.01.85. Формат 84 × 108^{1/32}.
Бумага кн.-журнальная имп. Гарнитура «Академическая». Печать высокая.
Усл. печ. л. 24,36. Усл. кр.-отт. 25,2. Уч.-изд. л. 29,39. Тираж 50 000 экз.
Изд. № А VIII-80. Заказ 1506. Цена 2 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература», Ленинградское отделение, 191186, Ленинград, Д-186, Невский пр., 28.
Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15